

План преподавания всеобщей истории

Н.В. ГОГОЛЬ

I

Всеобщая История, в истинном её значении, не есть собрание частных Историй всех народов и Государств без общей связи, без общего плана, без общей цели, куча происшествий без порядка, в безжизненном и сухом виде, в каком очень часто её представляют. Предмет сей велик: она должна обнять вдруг и в полной картине всё человечество, каким образом оно из своего первоначального, бедного младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и наконец достигло нынешней эпохи. Показать весь этот великий процесс, который выдержал свободный дух человека кровавыми трудами, борясь от самой колыбели с невежеством, Природой и исполинскими препятствиями: вот цель Всеобщей Истории! Она должна собрать в одно все народы мира, разрозненные временем, случаем, горами, морями, и соединить их в одно стройное целое; из них составить одну величественную полную поэму. Происшествие, не произведшее влияния на мир, не имеет права войти сюда. Все события мира должны быть так тесно связаны между собою и цепляться одно за другое, как кольца в цепи. Если одно кольцо будет вырвано, то цепь разрывается. Связь эту не должно принимать в буквальном смысле. Она не есть та видимая, вещественная связь, которой часто насильно связывают происшествия, или Система, создающаяся в голове независимо от фактов, и к которой после своевольно притягивают события мира. Связь эта должна заключаться в одной общей мысли: в одной неразрывной Истории человечества, перед которой и государства и события — временные формы и образы! Мир должен быть представлен в том же колоссальном величии, в каком он являлся, проникнутый теми же таинственными путями Промысла, которые так непостижимо на нём означались. Интерес необходимо должен быть доведён до высочайшей степени, так, чтобы слушателя мучило желание узнать далее; чтобы он не в состоянии был закрыть книгу, или недослушать, но если бы и сделать это, то разве с тем только, чтобы начать сызнова чтение; очевидно было, как одно событие рождает другое и как без первоначального не было бы последующего. Только таким образом должна быть создана История!

II

Всё, что ни является в Истории: народы, события — должны быть непременно живы и как бы находиться перед глазами слушателей, или читателей, чтоб каждый народ, каждое Государство сохраняли свой свет, свои краски; чтобы народ со всеми своими подвигами и влиянием на мир проносился ярко, в таком же точно виде и костюме, в каком был он в минувшие времена. Для того нужно собрать не многие черты, но такие, которые бы высказывали много; черты, самые оригинальные, самые резкие, какие только имел изображаемый народ. Для того, чтобы извлечь эти черты, нужен ум, сильный схватить все незаметные для простого глаза ошибки, нужно терпение перерывать множество иногда самых неинтересных книг. Но что уже один узнал, то другим передать легко; и потому слушатели должны узнать это, не роясь в архивах.

III

Преподаватель должен призвать в помощь Географию, но не в том жалком виде, в каком её часто принимают, т.е. для того только, чтобы показать место, где что происходило. Нет! География должна разгадать многое, без неё неизъяснимое в Истории. Она должна показать, как положение земли имело влияние на целые нации; как оно дало особенный характер им;

как часто гора, вечная граница, взгромождённая Природою, дала другое направление событиям, изменила вид мира, преградив великое различие опустошительного народа, или заключивши в непреступной своей крепости народ малочисленный; как это могучее положение земли дало одному народу всю деятельность жизни, между тем как другой осудило на неподвижность; каким образом оно имело влияние на нравы, обычаи, правление, законы. Здесь-то они должны увидеть, как образуется правление; что его не люди совершенно устанавливают, но нечувствительно устанавливает и развивает самое положение земли; что формы его от того священны, и изменение их неминуемо должно навлечь несчастье на народ.

IV

События и эпохи великие, всемирные, должны быть означены ярко, сильно, должны выдвигаться на первом плане со всеми своими следствиями, изменившими мир; не так, как делают иногда Преподаватели, которые, сказавши, что такое-то происшествие есть великое, тем и отделяются, или приводят близорукие следствия в виде отрубленных ветвей, тогда как должно развить его во всем величии, вывести наружу все тайные причины его явления и показать, каким образом следствия от него, как широкие ветви, распространяются по грядущим векам, более и более разветвляются на едва-заметные отпрыски, слабеют и наконец совершенно исчезают, или глухо отдаются даже в нынешние времена, подобно сильному звуку в горном ущелье, который друг умирает после рождения, но долго ещё отзывается в своём эхе. Эти события должно показать в таком виде, чтобы все видели ясно, что они великие маяки Всеобщей Истории; что на них она держится, как земля держится на первоначальных границах, как животное на своём скелете.

V

Теперь об образе преподавания. Слог Профессора должен быть увлекательный, огненный. Он должен в высочайшей степени овладеть вниманием слушателей. Если хоть один из них может предаться во время лекции посторонним мыслям, то вся вина падает на Профессора: он не умел быть так занимателен, чтобы покорить своей воле даже мысли слушателей. Нельзя вообразить не испытавши, какое вредное влияние происходит от того, если слог Профессора вял, сух и не имеет той живости, которая не даёт мыслям ни на минуту рассыпаться. Тогда не спасёт его самая учёность: его не будут слушать; тогда ни какие истины не произведут на слушателей влияния, потому что их возраст есть возраст энтузиазма и сильных потрясений; тогда происходит то, что самые ложные мысли, слышимые ими стороною, но выраженные блестящим и привлекательным языком, мгновенно увлекут их и дадут им совершенно ложное направление. Что же тогда, когда Профессор ещё сверх того облечён школьною методою, схоластическими мёртвыми правилами, и не имеет даже умственных сил доказать их; когда юный развёртывающий ум слушателей, начиная понимать уже выше его, приучается презирать его? Тогда даже справедливые замечания возбуждают внутренний смех и желание действовать и умствовать наперекор; тогда самые священные слова в устах его, как то, преданность к Религии и привязанность к Отечеству и Государю, превращаются для них в мнения ничтожные. Какие из этого бывают ужасные следствия, это видим к сожалению нередко. И потому-то не должно упускать из внимания, что возраст слушателей, есть возраст сильных впечатлений; и потому нужно иметь всю силу, всю увлекательность, чтобы обратить этот энтузиазм их на прекрасное и благородное; чтобы рассказ Профессора дышал сам энтузиазмом. Его убеждения должны быть так сильны, так выведены из самой Природы, так естественны, чтобы слушатели сами увидели истину ещё прежде, нежели он совершенно укажет на неё. Рассказ Профессора должен делаться по временам возвышен, должен сыпать и возбуждать высокие мысли, но вместе с тем должен быть прост и понятен для всякого. Истинно высокое одето величественною простотою: где величие там и простота. Он не должен довольствоваться тем, что его некоторые понимают; его должны понимать все. Чтобы де-

латься доступнее, он не должен быть скуп на сравнения. Как часто понятное ещё более поясняется сравнением! И потому эти сравнения он должен всегда брать из предметов самых знакомых слушателям. Тогда и идеальное и отвлечённое становится понятным. Я не должен говорить слишком много, потому что этим утомляется внимание слушателей и потому что многосложность и большое обилие предметов не дадут возможности удержать всего в мыслях. Рассказавши часть или эпизод, имеющий целость, я останавливаюсь и до тех пор не начинаю другого, пока не уверюсь, что все меня поняли точно в таком виде, в каком я им говорил. Каждая лекция Профессора непременно должна иметь целость и казаться оконченною, чтобы в уме слушателей она представлялась стройною поэмою; чтобы они видели в начале, что она должна заключать в себе и что заключает: чрез это они сами в своём рассказе всегда будут соблюдать цель и целость. А то необходимые всего в Истории, где ни одно событие не брошено без цели.

VI

План же для преподавания, после многих наблюдений, испытаний себя и слушателей, я полагаю лучшим следующий:

Прежде всего почитаю необходимым представить слушателям эскиз всей Истории человечества, в немногих, но сильных словах и в нераздельной связи, чтобы они вдруг обняли всё то, о чём будут слышать: иначе они не так скоро и не в такой ясности постигнут весь механизм Истории. Всё равно, как нельзя узнать совершенно город, исходивши все его улицы: для этого нужно взойти на возвышенное место, откуда бы он виден был весь, как на ладони. Я набрасываю здесь эскиз для того, чтобы показать вместе, в каком виде и в какой связи будет моя История.

Прежде всего я должен представить, каким образом человечество началось Востоком. Я должен изобразить Восток с его древними Патриархальными Царствами, с Религиями, облечёнными в глубокую таинственность, так непонятную для простого народа, кроме Религии Евреев, между коими сохранилось чистое, первобытное ведение истинного Бога; как эти древние Государства оградились друг от друга, будто неприступною стеною, нетерпимостью и Китайскою осторожностью; как один только народ Финикийский, первые мореплаватели Древнего Мира, приводил невольно своею промышленностью в сообщение эти почти неподвижные Государства, и каким образом первый всемирный завоеватель, Кир, с свежим и сильным народом, Персами, подверг весь Восток своей власти и насильно соединил разнохарактерные народы; но нравы, Религия, формы правления остались в Государствах те же, Цари только обратились в Сатрапов, и весь Восток видел над собою одну верховную власть Царя Царей, Персидского Повелителя; — как постепенно от взаимного сообщения эти народы теряли свою особенность и национальность, и вместе с своим Царём Царей, почти Богом невидимым для народа, поверглись в Азиатскую роскошь. — Здесь я останавливаюсь и обращаюсь к другой части Древнего Мира, к Европе. Я должен изобразить, как возник в ней этот цвет его, народ Греческий, с живым, любопытным умом, республиканским духом, совершенно противоположными формами правления, Поэтической Религией, ясными живыми идеями, так противоборствующими важной таинственности Востока; как развернулось у них просвещение в таком необыкновенном блеске, и как наконец один честолюбивый Грек подверг их своей Монархической власти; как этот великий Грек задумал Гигантское дело: соединить Восток с Европою, и разнести везде Греческое просвещение. И вот, чтобы связать тесные три части света, строится город Александрия; Герой умирает, Всесветная Монархия падает вместе с ним. Но подвиги его живы, плоды зреют: настаёт знаменитый Александрийский век, когда весь Древний Мир толпится у гавани Александрийской, когда Греческие Учёные во всех городах, и национальность опять исчезает, народы опять смешиваются! А между тем в Италии, почти невидимо от всех, созревает железная сила Римлян.

Я должен изобразить, как этот суровый, воинственный народ покоряет одно за другим Государства, обогащается награбленными богатствами, поглощает весь Восток. Легионы его

проникают в те земли Европы, где владение уже не доставляет ничего нужного для человека. Уже Цезарь заносит ногу в Британию, Римские Орды на скалах Альбиона... между тем неведомые степи средней Азии извергают толпы неведомых народов, которые теснят и гонят пред собою других, вгоняют их в Европу, сами несутся по пятам их, и грозно останавливаются на Севере, как зловещая кара, ожидающая обречённой жертвы, скрытые от Римлян Германскими лесами и непроходимыми болотами. А между тем уже ни одного не остаётся независимого Царства. Весь мир разделён на Римские Провинции. Римляне перенимают все у побеждённых народов, сначала пороки, потом просвещение. Всё мешается опять. Все делается Римлянами и ни одного настоящего Римлянина! И когда развратные Императоры, своевольное войско, отпущенники и содержатели зрелищ тиранствуют над миром, — в недрах его неприметно совершается великое событие: в ветхом мире зарождается новый! Воплощается неузнанный миром Божественный Спаситель его; и вечное слово, непонятое властелинами, раздаётся в темницах и пустынях. Таинственно выжидая новых народов. Наконец на весь Древний Мир непостижимо находит летаргический сон, та страшная неподвижность, то ужасное онемение жизни, когда просвещение не двигается ни вперёд, ни назад, сила и характер исчезают, все обращается в мелкий, ничтожны этикет, жалкую, развратную бесхарактерность. А в Азии между тем новый толчок, как электрическая искра, пробегает по всей цепи: один народ теснит и гонит перед собою другой, который в свою очередь сгоняет третий, и самые крайние появляются уже в Римских границах, тогда как жалкие Победители Мира употребляют все усилия спасти себя: сначала откупаются золотом, потом из них же составляют себе войско защитников, потом отдают им одну за другою все свои провинции, наконец предают им Рим, и те, которые сохраняли ещё слабые останки познаний, бегут на Восток, прочие невежественные и слабые исчезают в сильных толпах нового народа.

Я должен изобразить, как начинается новая жизнь в Европе; как основываются и принимают Крещение дикие Государства в границах назначенных Природою, с феодальными нравами, с вассальными владениями, и как могущественный Папа, прежде только Римский Первосвященник, делается Государем, незаметно присоединяет к своей сильной религиозной власти светскую. Между тем на Востоке остатки Римлян теснятся и покоряются новым сильным народом, мгновенно, как бы фантастически возродившимся на своём каменном аравийском полуострове, подвигнутым до иступления Религией, совершенно Восточной, основанной полупомешанным энтузиастом Магометом; как этот народ, с Азиатской саблей в руках, распространял Магометанство на место прежних остатков Греческого просвещения, и как изумительно, быстро этот чудесный народ из завоевателей делается просветителем, развёртывается во всём блеске, со своей роскошной фантазией, глубокими мыслями и поэзией жизни, и как он вдруг меркнет и затмевается выходцами из-за моря Каспийского, которым оставляет в наследство одно Магометанство; как почти в то же время в Европе корсары северных морей, Норманны, с неслыханною дерзостью, в малом числе, грабят и овладевают целыми Государствами, наконец переменяют дикую Религию свою на Христианство и прибавляют Европе свою силу и нравы; а между тем Папа мало помалу делается неограниченным Монархом всех Европы, и сам Император Немецкий, которого уважали все народы, не смеет противостать ему; и как по мановению его целые народы, Вассалы, Короли, оставляют свои земли, богатства, кладут пламенный крест на рамена и спешат с энтузиазмом в Палестину; как вся Европа, двинувшись с места, валится в Азию, Восток сшибается с Западом, и две грозные силы, Христианство с Магометанством; как это великое событие порождает Рыцарство, обнявшее всю Европу; как возникли Орденские Общества, осудившие себя на безбрачную, одинокую жизнь, чтобы быть верными одной цели, и произошёл самый сильнорелигиозный Христианский век; как энтузиазм к Вере перешёл потом границы начертанные десницею Божественного Спасителя; и как в то же время невидимо от всей Европы совершается великий эпизод Всемирной Истории: создается беспримерная по величине Монархия Чингисханова, поглотившая все Азиатские земли, неизвестные Европейца. В Европе одни только монастыри имеют земли и оседлость; все обратилось в Рыцарство, все кочует, все неспокойно: каждый вместе и воин и Полководец, и Вассал и Повелитель, и слушается и неслушает-

ся, — век величайшего разъединения и вместе единства! Каждый управляется своей волей и между тем все согласны в одной цели и мыслях. Бедные поселяне вытерпев чашу бед, наконец решаются соединиться независимо от своих повелителей в города. Возникает среднее сословие граждан; города начинают богатеть, и на Севере Европы, в отпор Рыцарям, образуется Ганзейский Союз, связывающий всю северную Европу своей торговлей. Между тем на Юге возникает порождение Крестовых походов — страшная торговля Венеция, эта царица морей, эта чудная Республика, с таким замысловатым и необыкновенно устроенным правлением. Все богатства Европы и Азии невидимо перешли в её руки, и как Папа религиозною властью, так Венеция непомерным богатством повелевала Европою. Духовный Деспот употреблял все силы убить её торговлю, но всё было напрасно — пока наконец Генуэзский гражданин не убил её открытием Нового Света. Наконец я должен представить, как вдруг расширился круг действий; как пала торговля Средиземного моря. Европейцы с жадностью спешат в Америку и вывозят кучи золота; Атлантический и Восточный Океаны в их власти; и в тоже время Папские Миссии проникают в Северо-восточную Азию и Африку — и мир открывается почти вдруг во всей своей обширности. Между тем в Европе понемногу сомневаются в справедливости Папской власти и, как прежде торговлю Венеции убил бедный Генуэзец, так власть Папы сокрушил Августинский монах Лютер. Как образовалась эта мысль в голове смиренного монаха, как сильно и упрямо защищал он свои положения! Как быстро росла толпа его приверженцев! Как, при падении своём, Папа становился грознее и изобретательнее: ввёл ужасную Инквизицию и страшный, невидимую силою Орден Иезуитский, который вдруг рассыпался по всему Свету, проник во все, прошёл везде, и тайно сообщал меду собою на двух разных концах мира. — Но чем грознее становился Папа, тем сильнее против него работали типографские станки. Вся Европа разделилась на две партии, и эти партии наконец схватили за оружие, и война жестокая внутри и вне Государств, долгая, обхватила вдруг всю Европу. Но уже не копьями и не стрелами производилась она. Нет! пушками, ядрами, громом и огнём, ужасным и благодетельным изобретением монаха — Алхимиста разыгралась эта великая тяжба.

Духовная власть пала. Государи становятся сильнее. Я должен изобразить, как изменилась Европа после этих войн. Государства, народы, сливаются плотнее в нераздельные массы. Нет того разъединения власти, как в Средние века. Она сосредотачивается более в одном лице. И как от того сильные характеры становятся виднее, круг Государей, Министров, Полководцев обширнее! Сам собою, невольно, завязывается в Европе Политический союз, полагающий защищать оружием неприкосновенность каждого Государства. А между тем неутомимые купцы—Голландцы, вырвавшие свою землю у моря, овладевают островами Восточного Океана, берут миллионы за разводимые на них плантации драгоценных растений Юга и, как прежде Венеция, схватывают торговлю всего мира, пока один необыкновенный Государь не подрывает её и не покушается на неприкосновенность Государств. Я должен изобразить блестящий век, произведенный этим Государем (Людовиком XIV), когда Франция закипела изделиями роскоши, фабриками, Писателями, когда Париж сделался всемирною столицею, куда съезжались со всей Европы, и Французский язык, Французские нравы, Французский этикет и обычаи распространились по всей Европе. Но, нарушивши неприкосновенность чужих владений, этот честолюбивый Король хотя и расстраивает торговлю Голландцев, но вместе разоряет своё Государство и сам убивает своё величие. Как быстро пользуются этим островитяне Британские, которые до того медленно, но верно близились к своей цели, наконец очутились почти вдруг обладателями торговли всего мира: ворочают миллионами в Индии, собирают дань с Америки, и где только море, там Британский флаг. Им преграждает путь исполин XIX века, Наполеон, и уже действует другим орудием, совершенно военным деспотизмом; своими быстрыми движениями оглушает Европу и налагает на неё железное своё протекторство. Напрасно гремит против него в Английском Парламенте Питт и составляет страшные союзы. Ничто не имеет духа ему противиться, пока он сам не набегаёт на гибель свою, вторгнувшись в Россию, где неведомые ему пространства, лютость климата, и войска, образованные Суворовскою тактикою, погубляют его. И Россия, сокрушившая этого

исполина о неприступные твердыни свои, останавливает в грозном величии на своём огромно Северо-востоке. Освобождённые Государства получают прежний вид и прежние формы, утверждают снова союз и неприкосновенность владений. Просвещение, не останавливаемое ни чем, начинает разливаться даже между низшим классом народа; паровые машины доводят мануфактурность до изумительного совершенства; будто невидимые духи, помогают во всем человеку и делают силу его ещё ужаснее и благодетельнее; и он, в священном трепете, видит, как Слово из Назарета обтекло наконец весь мир.

Когда История мира будет удержана в таком кратком, но полном эскизе и происшествия будут так связаны между собою, тогда ничто не улетит из головы слушателей, и в уме их невольно составится целое. Наконец этот эскиз, развившись в великом объёме, составит полную Историю человечества.

VII

После изложения полной Истории человечества, я должен разобрать отдельно Историю всех Государств и народов, составляющих великий механизм Всеобщей Истории. Натурально та же полнота, та же целостность должна быть видна и здесь в обозрении каждого порознь. Я должен обнять его вдруг сначала до конца: как оно основалось, когда было в силе и блеске, когда и от чего пало (если только пало), и каким образом достигло того вида, в каком находится ныне; если же народ стерся с лица земли, то каким образом на место его образовался новый и в каком виде.

VIII

Чтобы ещё глубже всё сказанное вошло в память, по окончании курса необходимы повторительные обзоры. Но чтобы повторение было успешнее, нужно стараться давать ему интерес и занимательность новизны. После Истории всего мира и отдельно каждой земли и народа, не мешает сделать обзор каждой части света и тут показать все отличие как их, так и народов, в них находящихся, чтоб слушатели сами могли вывести результат:

Во-первых об Азии, этой обширной колыбели младенствующего человечества — земли великих переворотов, где вдруг возрастают в странном величии народы и вдруг стараются другими: где столько наций невозвратно пронеслись, одна за другою, а между тем формы правления, дух народов одни и те же: всё так же важен, так же горд Азиатец, так же быстро воспламеняется и кипит страстями, так же скоро предаётся лени и бездейственной роскоши. И вместе с сим эта часть света есть земля разительных противоположностей и какого-то великого беспорядка: ещё один народ кочует беззаботно в необозримом многолюдстве с необозримыми табунами, а между тем на другом конце, где-нибудь в пустыне, исступленный изувек, изнуряя себя бесконечным постом, замышляет новую Религию, которая в последствии обхватит всю Азию, оденет народ, как непроницаемую броню, своим исступленным вдохновением и поведёт его на разрушение; и тут же, может быть недалеко от него, находится народ, уже перешедший в роскошь, утомлённый Азиатским пресыщением. Только здесь может находиться та странная противоположность, которой дивимся в дереве Юга, где на одной ветке, в одно время, один плод цветёт, между тем как другой наливается, третий зреет, четвёртый переспелый валится на землю.

Потом о Европе, История которой означена совершенно противоположною характеристью, где существование народов, напротив, долго и мощно; где все, напротив, порядок и стройность: народы разом подвигаются такт в такт, как регулярные Европейские войска; Государства все почти в одно время растут и совершенствуются; при всех характерных отличиях наций, в них видно общее единство и каждая из них так чудно запутана с другими, что становится совершенно понятно только в соединении со всей Европою, и вся Европа кажется одним Государством. И в этой небольшой части света решилась долгая тяжба: человек стал выше Природы, а Природа обратилась в Искусство; самая бедность и скупость её вызвали

наружу весь безграничный мир, скрывавшийся в человеке, дали ему почувствовать, во сколько он выше земного и превратили всю страну в вечную жизнь ума. В этой одной только части света могущественно развился высокий гений Христианства и необъятная мысль, осенённая небесным знаменем Креста, витает над нею, как над отчизною.

Потом об Африке, представляющей в противоположность Европе смерть ума, где Природа всегда деспотически властвовала над человеком; где она во всём своём царственном величии и всегда почти возвращала его в первобытное состояние, в жизнь чувственную; где ни один коренной туземный народ не прожил мощною жизнью и не отбросил от себя ярких лучей на мир; где даже переселенцы с других земель напрасно вступали в борьбу с палящею Природою Африканскою; чем далее погружались в Африку, тем глубже повергались в чувственность.

Наконец об Америке, этой всемирной колонии, Вавилонском смешении наций, где столкнулись три противоречащих части свет, смешались, но ещё не слились в одно, и потому ещё не имеющей покамест никакого единства, даже единства Религии; не смотря на частую характерность, не получившей общего характера; не смотря на огромную массу, всё ещё состоящей из первоначальных стихий, разложенных начал; не смотря на независимые Государства, всё ещё похожей на колонию.

Быстрый обзор Истории каждой части света, во всей её резкой характерности, не поверхностный, но глубокий, результат веков и событий, потому необходим, что он наводит на мысли и заставляет слушателей думать. Ум иногда быстрее развивается, когда сам предлагает себе великий и поэтический вопрос. Этот обзор каждой части тем более ещё необходим, что показывает часто с новой стороны те же предметы. А для полного уразумения нужно, чтобы предмет был освещён со всех сторон. Только тогда вы знаете хорошо Историю, говорит Шлецер, когда знаете её и вдоль, и поперёк, и вкось, и во всех направлениях.

IX

И для того в виде эпилога после окончания курса хорошо рассмотреть за одним разом весь мир по столетиям. Тогда Всеобщая История представит у меня великую лестницу веков. Я должен непременно показать, чему ознаменовано начало, середина и конец каждого столетия, потом дух и отличительные черты его. Чтобы лучше определить каждый век и избежать монотонности чисел, я назову его именем того народа, или лица, который стал в нём выше других и ярче действовал на поприще мира. Эта лестница столетий есть лучшее средство к утверждению в памяти слушателей современности событий лиц и явлений.

X

Вот мой план, мои мысли и мой образ преподавания! Истинно понимающая душа увидит, что они не произведение мгновенной фантазии, но плод долгих соображений и опыта; что ни один эпитет, ни одно слово не брошено здесь для красоты и мишурного блеска, но их породило долговременное чтение летописей мира; что составить эскиз общий, полный Истории всего человечества, хотя даже столь краткий, как здесь, можно не иначе, как когда узнаешь и постигнешь самые тонкие и запущенные ниши Истории; что не желание выгод, не личная польза, не необходимость, но одна любовь к Науке, составляющей для меня все наслаждение, понуждает меня осуществить мой план, преподавания; что цель моя — образовывать сердца юных слушателей той основательной опытностью, которую развёртывает История, понимаемая в её истинном величии; сделать их твёрдыми, мужественными в своих правилах, чтобы никакой легкомысленный фанатик и никакое минутное волнение не могло колебать их; сделать их кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками Великого Государя, чтобы ни в счастии, ни в несчастьи, не изменили они своему долгу, своей Вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными Отечеству и Государю.